

Тарковский А.

4.4.92.

106

Андрей Тарковский:

Символ веры — правда

Сегодня выдающемуся кинорежиссеру исполнилось бы 60 лет

Труд. — 1992. — 4 сеп.

ОБОСТРЕННЫЕ, высушенные годами (страданием? подступающей болезнью?) черты лица, тонкая, бесплотная, словно надломленная фигура. Таким предстает Тарковский на последних снимках. Но фотообъектив запечатлел и другое: юношески жесткий, колючий ежик на голове — знак колючей, «ежистой» натуры, взгляд темных глаз — сильный, цепкий, глубокий. В самом облике Тарковского природа, время соединили, казалось, несоединимое: болезненную ранимость и крутую, властную энергию, могучую волю и утонченную, рефлексирующую духовность.

Исполненной противоречий, контрастов выдалась и его судьба. В нашем кино последних десятилетий нет, пожалуй, фигуры более значительной и более трагической. Гонимый, преследуемый властями, ретивыми чиновниками (из двадцати с лишним лет работы в советском кино около семнадцати он считал себя практически безработным!), Тарковский тем не менее был и остался подлинно свободным художником, мысль, творческая воля которого не были скованы ни унылыми постулатами официального искусства, ни легкомысленными претензиями «элитарного», снобистского кино. Он был глубок — без ложной глубокомысленности, оригинален — без кокетливого оригинальничанья, самобытен — без натуажных потуг на пустое самовыражение.

«Художник свидетельствует

об истине, о своей правде мира, — говорил Тарковский в одном из интервью. И, словно опасаясь, что его не поймут, тут же повторял: — Художник дол-

жен быть уверен, что он и его творчество соответствуют правде. Я отвергаю идею эксперимента, поисков в сфере искусства. Любой поиск в этой обла-

сти, все, что помпезно именуется «авангардом», — просто ложь».

Его символом веры была правда.

Правда жизни. Правда истории. Правда искусства.

Пять картин, снятых Тарковским на Родине, две ленты, сделанные за рубежом, — это удивительный по цельности, философской емкости, безжалостной правдивости монолог художника о времени, в котором ему выпало жить. И пусть неукротимая фантазия уносила его то в межзвездную пустоту Галактики, как в «Солярисе», то в условную выжженность Зоны, как в «Сталкере», то в безъязыкую даль чужбины, как в «Ностальгии» или «Жертвоприношении», то в русские степи XV века, как в «Андрее Рублеве», — фильмы Тарковского стали поэтическим документом времени, его объемным зеркалом.

И сегодня, когда ему могло исполниться шестьдесят, есть смысл вспомнить слова из его самого последнего интервью. Вот они: «Подлинный художник, а более того гений являются рабами дара, которым они наделены. Они обязаны этим даром людям, питать которых духовно и служить им были избраны...»

Говорил это Тарковский, ясное дело, о других, а вышло — о самом себе. Ибо сегодня стало пронзительно ясно, что с его похоронами зимой 1986 года на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем наше кино, наша страна, вся мировая культура потеряли гения, раба божественного дара, который еще долго будет служить своими фильмами людям...

Л. ПАВЛЮЧИК.